

«Неужели это была ты...»

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 26 января, 2025

«Неужели это была ты...» «НЕУЖЕЛИ ЭТО БЫЛА ТЫ...»

Неужели это была ты –

В сером платье

Робкая девочка на площадке вагона –

Моя невеста!

Помню, как оба тонули мы в первом объятии,

Жестоким до стога,

Были безумны и святы мечты.

Пели удары колес.

Вереницы берез,

Качаясь, глядели в окно,

Вечер осенний померк незаметно, и на небе было темно.

В поздний безмолвный час

Я сидел одиноко.

Странно дрожал за стеклом раздражающий газ.

Думы дрожали, как газ, раздражающе тоже.

Я жаждал упрека.

О, если б предстал мне таинственный Кто-то

И тайну открыл мне пророческой, внутренней дрожи,

Чего я боюсь в этот поздний обманчивый час.

О, если б предстал мне таинственный Кто-то

И властно позвал бы меня для отчета.

Что женщина?

– Мать, принявшая в лоно, –

Чтобы длить бесконечно преемственность сил.

Вы пестры, миражи бытия: рождений, падений, могил

– Женщина – некий сосуд драгоценный,

Тайну таящий во мгле сокровенной.

Женщина – путь до глубин божества.

Женщина – мир естества,

Его золотая корона.
Свята, свята ее жизнь, дающее лоно.

Но мы?
В нас не все ли – стремленье вовне, из предела?
Разве не мы
Природу наполнили звуками слова?
В дымной пропасти тьмы,
Где дышит и движется тело.
Нам разве не душно?
Мы жаждем иного,
В вечном стремленье идем и идем до предела,
Кажется, близки мы к области звездной.
Миг – и повиснем в полете над бездной,
Вдруг снова, влеченью земному послушны,
Падаем в душные пропасти тьмы.

А есть красота.
В звуках, в красках, в линиях, в теле,
В обнаженности женственной.
Жажда ее не в одной крови разлита,
Это не жажда веселий.
Ее поток благоденственный
В тайных глубинах шумит,
Струя его сладко чиста,
Он вечной божественной влагой поит.
Да, есть на земле красота.

Или мы крылья у птицы?
И нам суждено
Метаться к гробнице от старой гробницы?
И нам суждено
Только взаимным усилием весь путь побороть?
Только вдвоем долететь до свержения уз?
Церковь венчает как святость союз
Двух осужденных сердец.
– Примем ли мы, как тяжелое бремя, венец?
Да, людям дано только вдвоем этот путь побороть.

Слава тебе, освященная плоть!

Ночь незаметно погасла, и свет набегал на окно.

Я сидел одиноко.

Дрожал за стеклом замирающий газ.

Был светлым и утренним час,

И город вечерний остался далеко.

Я знаю.

Я в зеркале видел всю душу мою,

Все, чему верю, и все, что люблю.

Там нет проклятья.

Как теплым волнам, я отдамся душистому маю,

Пусть будут безумны и святы мечты,

Робкая девушка в сереньком платье,

Да, это ты,

Моя невеста.

4 марта 1902 г.

* * *

Спит вагон, мерцает газ,

Поезд мчит, уносит нас.

Бесконечна даль полей,

Месяц горестный над ней.

С юга, с юга – в мир снегов

Мчится поезд мертвецов.

Смотрит месяц к нам в окно,

Только – мертвым все равно!

4 марта 1902 г.

• Столп огненный

Не часто радует поэта

Судьба, являя перед ним

Внезапно – столп живого света,

Над краем вспыхнувший родным!

Такой же столп, во время оно,
Евреев по пустыне вел:
Был светоч он и оборона,
Был стяг в сраженьях и глагол!

При блеске дня – как облак некий,
Как факел огненный – в ночи,
Он направлял, чрез степь и реки,
В обетованный край – мечи.

Когда ж враги военным станом
Раскинулись в песках нагих,
Пред ними столп навис туманом:
Для этих – мрак, свет – для других!

И, с ужасом в преступном взоре,
Металась грозная толпа:
И конь и всадник сгибли в море,
При свете пламенном столпа.

Се – тот же столп пред нами светит,
В страну желанную ведет;
Спроси, где путь, – и он ответит,
Иди, – он пред тобой пойдет!

Наш яркий светоч, – тьмой и дымом
Он ослепил глаза врагов,
Они металась пред незримым,
Тонули в мгле морских валов.

Но путь далек! К обетованной
Еще мы не пришли земле,
Смотри же днем на столп туманный,
На огненный смотри во мгле!

Чтоб совершились ожидания,
Мы соблюсти должны Завет:
Да не постигнут нас блужданья
Еще на сорок долгих лет!

О, страшно с высоты Хорива
Узреть блестящего тельца...
Пусть властью одного порыва,
Как ныне, бьются все сердца!

4 марта 1917 г.

• **Звено в цепь**

И в наших городах, в этой каменной бойне,
Где взмахи рубля острее томагавка,
Где музыка скорби лишена гармоний,
Где величава лишь смерть, а жизнь – только ставка;

Как и в пышных пустынях баснословных Аравии,
Где царица Савская шла ласкать Соломона, –
О мираже случайностей мы мечтать не вправе;
Все звенья в цепь, по мировым законам.

Нам только кажется, что мы выбираем;
Нет, мы все – листья в бездушном ветре!
Но иногда называем мы минуты – раем,
Так оценим подарок, пусть их всего две-три!

Если с тобой мы встретились зачем-то и как-то,
То потому, что оба увлекаемы вдаль мы;
Жизнь должна быть причудлива, как причудлив кактус;
Жизнь должна быть прекрасна, как прекрасны пальмы.

И если наши губы отравлены в поцелуе,
Хотя и пытаешься ты порой противоречить, –
Это потому, что когда-то у стен Ветилуи
Два ассирийских солдата играли в чет и нечет.

4 марта 1921 г. Goşgular